

Её лодыжка онемела от боли, а копчик после недавнего падения тоже отзывался тупой ноющей болью.

Фу Июнь видел, что она долго не двигается, и его холодные, равнодушные брови и глаза снова окрасились густой насмешкой.

— Я же говорил, передо мной бесполезно строить из себя жалкую и слабую. Если в тебе действительно есть хоть капля гордости, так встань!

Сидевший перед ней мужчина словно нарочно пришел поиздеваться над ней.

Лу Яньюй не понимала, какое на этот раз помешательство на него нашло. Как было бы хорошо, если бы он относился к ней с безразличием, как к совершенно чужому человеку — тогда бы она не испытывала ни боли, ни бед.

Почему сегодня он непременно преградил ей путь и решил поизмываться?

Неужели он так зол из-за того, что она за ее спиной сделала тест на отцовство с Чэньчэнем и Доду?

Мужчина снова откинулся назад и прислонился к стене.

Одной рукой он залез в карман брюк, а в другой зажал сигарету, лениво глядя на нее.

Похоже, он не собирался отставать, пока она не поднимется сама.

Лу Яньюй сидела на земле, не смея пошевелиться: стоило ей сделать хоть движение, как это мгновенно отдавалось резкой болью в копчике и лодыжке.

Фу Июнь смотрел на нее с легкой ухмылкой.

Он ее не торорил. Он курил, и его безмятежный вид выглядел так, будто он просто ждет, когда сможет поглазеть на ее позор.

Лу Яньюй добела измяла в пальцах штанину.

Закончив одну сигарету, мужчина тут же вытащил другую и закурил ее, и в его планах явно не было уходить.

Ладони Лу Яньюй вспотели.

Похоже, пока она не поднимется перед ним, он ни за что не уйдет.

Сжав зубы, она уперлась обеими руками в землю и попыталась встать.

С первого раза не получилось.

Когда она попыталась подняться, в копчике тут же вспыхнула пронзительная боль, пронзившая всю спину и сковавшая ее судорогой.

Она тут же снова опустилась на землю.

Напротив послышался хмыкающий смешок:

— И впрямь прирожденная актриса, как мастерски притворяешься. Если бы Фу Чэньфэн был здесь и увидел тебя такой, его сердце наверняка разорвалось бы от жалости.

Лу Яньюй закусила губу до белизны.

Она с ненавистью уставилась на мужчину напротив, но в ответ дождалась лишь очередного насмешливого смешка.

— На самом деле ты хочешь, чтобы я сжалился над тобой? Могла бы просто попросить меня об этом, совсем необязательно так надрывно притворяться.

Сквозь зубы процедила Лу Яньюй:

— Сдохну, но не попрошу у тебя жалости!

— Ха, тогда нечего передо мной ломать комедию! — в голосе мужчины сквозила ледяная нотка.

Лу Яньюй глубоко вздохнула, снова уперлась руками в землю и попыталась подняться.

На этот раз при попытке встать копчик вновь прострелило судорогой.

До крови прикусив губу, она стерпела эту жгучую боль.

Поднявшись, она согнулась в три погибели и долго приходила в себя.

К счастью, стоило ей выпрямиться, как боль в копчике даже немного утихла.

Вот только сам процесс подъема давался с адской болью.

Стоило распрямиться, как заныла лодыжка.

Лу Яньюй стерпела всё и, подняв глаза на мужчину напротив, произнесла:

— Теперь ты можешь идти.

Фу Юнь с легкой усмешкой изогнул губы:

— Подойди ко мне!

— С какой стати? — Лу Яньюй не сдвинулась с места.

Мужчина тоже не стал настаивать силой, но уходить по-прежнему не собирался и лишь вытащил еще одну сигарету.

Лу Яньюй снова сжала зубы, сжав пальцами штанину, и, преодолевая боль в лодыжке, шаг за шагом медленно двинулась к нему.

Сейчас она желала лишь одного — чтобы он поскорее ушел; казалось, стоило ему исчезнуть, и ее достоинство будет спасено.

Шаг, второй...

Каждый шаг отдавался так, будто она ступала по лезвию ножа: болела и лодыжка, и копчик.

Когда она наконец дошла до него, ее спина уже покрылась холодным потом.

Она бросила ему:

— Теперь-то ты можешь уйти?

Его разделяли от нее считанные сантиметры.

Мужчина вдруг слегка подался вперед, склоняясь к ней, и его горячее дыхание, смешанное с ароматом табака, полностью окутало ее лицо...

## Глава 9

Сюй Ань, подражав своему предшественнику, небрежно швырнул вперед горсть серебряных монет, и дорога мгновенно освободилась.

Не обращая внимания на щебетавших внизу красавиц, он сразу поднялся на второй этаж и направился в комнату, которую заказал Чэн Ху.

Толкнув дверь, Сюй Ань увидел, что внутри царит невероятное оживление: шальная компаньонка его предшественника предавалась разгулу и пьянству, зажав девиц с обеих сторон.

При виде этой картины веки Сюй Аня невольно задергались.

Какого черта, вы тут так отрываетесь — вы уверены, что это празднование дня рождения главной куртизанки, а не вашего собственного?

— Ого, герой, наконец-то явился! Давай-давай, садись быстрее за стол!

Едва заметив Сюй Аня, дородный Чэн Ху тут же вскочил на ноги с покрасневшим от выпивки лицом.

Остальные дружки-кутилы тоже уставились на него, поигрывая бровями и перемигиваясь.

Сюй Ань прекрасно понимал, к чему они клонят, и тут же пресек их попытки заговорить:

— А ну закройте пасти, обаятельные мои! Кто еще хоть словом заикнется о вчерашнем — лично прикончу.

— Да мы-то и не вспомним, а вот другие обязательно заговорят. Кто же виноват, что ты, братец, вчера так безумно отрывался?

Искоса глянув на Сюй Аня, Чэн Ху расплылся в крайне недоброжелательной улыбке:

— Между прочим, принцесса... ты ведь и впрямь ее добился?

Шайка приятелей вмиг наострила уши.

— Проваливай!

Сюй Ань отвесил ему пинка — вспоминать об этом вслух он сейчас боялся до смерти.

— Я сегодня пришел ради девицы Цзян. Кто посмеет заикнуться о других бабах — не обессудьте, церемониться не стану.

Он пригрозил кулаком для пущей убедительности, а сам уже перевел взгляд на знакомый силуэт неподалеку.

Цзян Юйчжу сидела за резным цитральным столиком в алых одеждах; тонкая талия, длинные ноги, а легкая чарующая улыбка в уголках губ делали ее поистине несравненной красавицей земного мира.

Неудивительно, что она сводила с ума бесчисленных мужчин в Цзинду, и впрямь чертовски хороша... — мысленно восхитился Сюй Ань.

— Эта скромница приветствует маленького герцога Сюя.

Цзян Юйчжу поднялась и, плавно расправив складки платья, отвесила поклон.

— И не виделись-то всего несколько дней, а девица Цзян уже такая официальная.

Сюй Ань с улыбкой подошел ближе, перехватил ее нежную, словно лишенную костей руку и произнес:

— Сегодня день рождения девицы Цзян, и этот молодой господин специально сочинил для тебя стихотворение на заказ — считай это моим подарком к твоему празднику.

Улыбка на прелестном личике Цзян Юйчжу слегка застыла.

Раньше, поддавшись на уговоры Чжао Гао, Сюй Ань уже пытался писать ей стихи.

Кончилось тем, что он даже иероглифов толком не знал, на середине засыпал вопросами о том, как пишется то или иное слово, и потратил добрых полчаса, чтобы состряпать совершенно бессмысленную белиберду.

То происшествие наделало немало шуму в Цзинду.

Из-за этого она тогда и сама превратилась в посмешище для всего города, и если бы не ее влиятельные покровители, статус главной куртизанки давно перешел бы к другой.

И вот теперь Сюй Ань снова вознамерился писать для нее стихи! Если слухи разойдутся, все столичные литераторы и ученые мужи наверняка снова начнут полоскать в грязи её имя и высмеивать Сюй Аня.

В первые секунды она даже не посмела принять подарок!

— Братец, в прошлый раз ты так знатно опозорил нас перед всеми, давай в этот раз обойдемся без сюрпризов!

Чэн Ху постучал по столу и, глядя на Сюй Аня, произнес:

— Мы-то с парнями толстокожие, стерпим, а вот если пострадает репутация девицы Цзян — это уже никуда не годится. Она ведь единственная столичная красавица среди главных куртизанок, которая нормально относится к нашему брату-войке.

Талантливые поэты и прекрасные девы — извечная мечта обитательниц веселых домов.

Поэтому грамотеи, владеющие пером, пользовались бешеным успехом в любом борделе.

Что же до них, грубых войк, то при всем их высоком происхождении куртизанки на них обычно смотрели свысока — исключением была лишь Цзян Юйчжу, которая держалась ближе к их компании.

— Да что ты понимаешь! В прошлый раз я сделал это специально, усек?

Восстановив в памяти прежние воспоминания, Сюй Ань, конечно же, знал обо всем, что произошло тогда.

Выбрав стихотворение бессмертного поэта Ли Бэя, он хотел исправить ошибки прошлого и загладить вину прежнего Сюй Аня перед красавицей Цзян.

Шлепнув листок бумаги прямо в ладонь Цзян Юйчжу, Сюй Ань самодовольно хлопнул себя по груди:

— Я бросил вызов посольству Дун Юй, неужто какая-то поэзия мне не по зубам?

— Твою ж мать! Ты еще смеешь вспоминать об этом!

Услышав такое, Чэн Ху взвился волчком.

Он молниеносно ухватил Сюй Аня за шею и зажал его голову под мышку:

— А ты вообще знаешь, зачем посольство Дун Юй пожаловало в наш Великий Гань? Да они же приехали чисто за тем, чтобы утереть нам нос!

— Отец говорил, что, желая избежать встречи с дунъюйскими послами, даже отец Чжао Гао, этот старый лис Чжао Си, предпочел смотаться с посольством к черту на кулички, в опасные Северные Ди, лишь бы не оставаться в Цзинду. Да и все эти напыщенные гражданские чиновники и ученые мужи в страхе попрытали головы и притворились мертвыми.

— Какого черта ты лезешь туда? Нам, воякам, и так живется несладко, а если ты проиграешь, те ублюдки упустят шанс содрать с нас шкуру живьем?

Сюй Аня чуть не стошнило от запаха подмышек этого наглеца, и лишь после долгих барахтаний он вырвался из захвата Чэн Ху.

Едва освободившись, он тут же отвесил Чэн Ху смачный пинок и возмущенно бросил:

— Мать твою, да вы сами посудите: раз послы Дун Юй уже прут напролом, что делать-то прикажете?!

Все умолкли.

Окинув их взглядом, Сюй Ань ударил себя в грудь с видом предельной праведности:

— Чэн Ху, братья, скажу вам начистоту.

— Когда вчера Чжан Аньши силой попытался повесить это дело на меня, я был взбешен, просто безумно взбешен!

— И злость моя была вызвана не тем, что Чжан Аньши и Чжао Дэхай пытались меня подставить, а тем, что они используют столь грандиозное дело в своих грязных интригах и хотят чужими руками — руками послов Дун Юй — растоптать нас, военных.

— Не будь там императора, в тот момент я бы даже объединился с отцом, чтобы навалить им обоим в стиле семейного комбо!

Так, непременно нужно выстроить перед ними образ крутого главаря.

Сюй Ань протянул руку, смахнул со стола графин с вином и сделал жадный глоток прямо из горлышка.

Утерев со рта вино, он заявил:

— Дворцовые интриги, борьба за власть, дележ барышей — мне, Сюй Аню, на это наплевать. Положение, богатство? Разве кто-то в Цзинду не знает, что я главный транжира столицы?

— Но когда на кону стоят государственные интересы, любые личные счета должны отойти на второй план!

— Посольство Дун Юй бросило нам вызов — они покушаются на культурное величие Великого Гань и норовят урвать кусок нашей национальной удачи! Это государственное дело!

— В таком вопросе гражданские чиновники и военные, даже если между ними кровная месть за отцов или украденных жен, обязаны сплотиться перед лицом общего врага!

В шумной комнате вмиг воцарилась абсолютная тишина.

Все взгляды устремились на Сюй Аня, выражая немое потрясение и шок.

Даже в глазах Цзян Юйчжу прекрасные зрачки слегка сузились: она никак не ожидала, что отъявленный повеса, на которого она вечно смотрела свысока, способен изречь столь глубокие мысли.

— Но я разочарован! Чжан Аньши и прочая шваль до сих пор думают лишь о том, как разыграть эту карту для расправы над нами.

Сюй Ань взмахнул рукой и с размаху швырнул винный кувшин о пол — тот разлетелся на мелкие осколки.

— Черт побери, раз они боятся сражаться, неужели и нам сидеть сложа руки? Разве что императору самому выходить на поле боя? Чтобы Дун Юй смеялся над тем, что в Великом Гань перевелись мужчины?!

Сюй Ань издал зычный крик, полный благородного пыла:

— Подумаешь, бескровное поле боя! Я принимаю этот вызов!

— Какое мне дело до их дунъюйских послов? Плевать, привели они с собой каких-то заумных литературных грандов или нет — чего их бояться, просто набьем им морды!

— Честь Великого Гань не позволено топтать никому!

## Глава 10

Все собравшиеся здесь были сыновьями военачальников — у кого из них в детстве не было мечты завоевать славу на поле брани?

Пламенная речь Сюй Аня мгновенно зажгла в их жилах горячую кровь.

— Черт подери, Сюй Ань, откуда у тебя такие мысли?!

— Верно! Мы — дети защитников родины, и если кто посмертно вздумает нас обидеть, задавим гадов!

— Сюй Ань, за одни эти слова — с сегодняшнего дня я тебя уважаю!

— ... —

Молодые вояки наперебой заговорили, воздевая руки в знак приветствия.

Если раньше они видели в Сюй Ане просто дружка по гулянкам, то теперь в их сердцах он успешно посеял совсем иные семена.

— Благородный поступок, маленький герцог, эта скромница восхищена.

На миловидном лице Цзян Юйчжу заиграла ее фирменная улыбка, и она слегка поклонилась Сюй Аню.

Однако в ее прекрасных глазах по-прежнему плескалось глубокое изумление.

Как такое возможно?

Подобные рассуждения исходят из уст никчемного повесы?

Неужели всё его прежнее разгильдяйство было лишь игрой?

— Разумеется. Я же говорил, вы все слишком поверхностно судите об этом молодом господине.

Сюй Ань гордо выпятил грудь:

— Столичный мажор, транжира? Кто сказал, что у избалованных гуляк не может быть патриотизма?

— Ха-ха, то есть твой «патриотизм» заключается в том, чтобы подставить под ноги послам Дун Юй лицо всего Великого Гань?

Едва Сюй Ань закончил говорить, как от двери донесся насмешливый голос.

Все разом обернулись к входу: в комнату ввалился Чжао Гао в сопровождении целой толпы отпрысков гражданских чиновников и пары небезызвестных столичных литераторов.

Они сидели в соседней комнате и, услышав пламенную тираду Сюй Аня, до того разъярились, что во главе с Чжао Гао примчались сюда, чтобы сбить с Сюй Аня спесь и ткнуть носом в суровую реальность.

— Чжао Гао, это что еще за цирк?

Шагнув вперед, Чэн Ху гневно сверкнул глазами.

— Разве я выразился недостаточно ясно? Я говорю, что этот Сюй Ань забавляется за счет репутации всего Великого Гань. Разве я не прав?

Синяки на лице Чжао Гао еще не сошли, но он с показным изяществом раскрыл веер и, уставившись на Сюй Аня, процедил:

— На словах-то ты мастак распинаться о великом, но сам в науках — ноль, в бою — калека. С какой стати тебе здесь рассуждать о судьбах страны?

Ха, живи я в будущем, людей круче меня нашлось бы пруд пруди.

Но сейчас... я держу в голове всю пятитысячелетнюю историю, а ты заявляешь, что этот молодой господин ни в науках не силен, ни мечом не владеет?

Видать, твоему лицу вчера просто не хватило тумачков, раз оно до сих пор недостаточно опухло?

Сюй Ань покачал головой и, шлепнув себя ладонью по лбу, простонал:

— Сяо Чжао, ты столько лет подыгрывал мне в этом спектакле, должно быть, устал до смерти?

Он посмотрел на Чжао Гао, поднял палец и слегка покачал им:

— Ей-богу, скрывать больше не буду: я — воплощение звезды Вэньцзюй, спустившееся с небес! Я давно постиг все науки и искусства, владею и пером, и мечом, и военной стратегией, и слогом... просто не снисхожу до того, чтобы препираться с мелкими сошками вроде вас.

В комнате мгновенно воцарилась такая тишина, что было слышно, как упадет иголка.

— Ха-ха-ха...

Секунду спустя Чжао Гао и толпа чиновничьих сынков дружно разразились хохотом — безумным и издевательским.

А вот сидевшие рядом вояки во главе с Чэн Ху от этого смеха ощутили, как у них горят уши.

Сюй Ань, мать твою! Хоть бы врал с умом!

Звезда учености Вэньцзюй вселилась в сына военного?!

Звучит как полный бред!

Да хаханище ваше... пускай я сейчас и несу чушь, но у меня действительно есть на это все основания, усекли?

Поставив ногу на табурет, Сюй Ань прищурился на Чжао Гао:

— Чего лыбитесь? Слова этого молодого господина кажутся вам смешными?

— А разве нет? Хоть бы постеснялся врать без подготовки!

— Все эти годы кто в Цзинду не знает твоего нутра, Сюй Ань? Какая еще звезда Вэньцзюй с небес? Ты что, думаешь, небожители слепые?

Веер в руке Чжао Гао указал на стоявшего рядом юношу в ученом халате:

— Знаешь, кто это? Его зовут Вэй Цзичжэн, и сейчас он признанный первый талант всего Цзинду!

— Изысканный слог, блестящий ум — это всё о нем. И ты посмел дерзить в его присутствии?

— Сюй Ань, оставь свое благородное происхождение — ты сам-то хоть на грош стоишь этого?

При этом имени лица Чэн Ху и остальных слегка переменялись.

И только Сюй Ань лишь бегло бросил взгляд на Вэй Цзичжэна, криво усмехнувшись в уголках рта.

Этот Вэй Цзичжэн зовется первым талантом Цзинду, обладает неплохим слогом, даже десять главных столичных куртизанок превозносят его до небес.

Но неужели он думает, что одной этой показухи хватит, чтобы переплюнуть его, Сюй Аня? Мечтать не вредно!

С кем он собрался тягаться?

Да он же бросает вызов пяти тысячам лет цивилизации Китая!

Сюй Ань покачал головой и произнес:

— Талант-то у тебя кой-какой имеется, вот только жаль — скатился до шавки на побегушках у сильных мира сего.

— Ты...

Лицо Вэй Цзичжэна резко помрачнело — Сюй Ань попал в самую точку.

Но он быстро взял себя в руки, вперил в Сюй Аня взгляд и холодно усмехнулся:

— А маленький герцог и впрямь языкаст. Сам уже на краю пропасти, а зубы скалит!

— Вообще-то, если бы ты соизволил попросить меня должным образом, я мог бы и написать для тебя пару стихотворений, чтобы ты не опозорился перед дунъюйским посольством!

— Но ты оказался на редкость неблагодарным!

С этими словами он резко взмахнул веером и застыл с крайне надменным видом.

Чжао Гао кивнул и с усмешкой поддержал его:

— И то верно, будь Сюй Ань хоть капельку благоразумнее, он бы не был Сюй Анем!

— Но совет дельный. Сюй Ань, принеси Вэй Цзичжэну свои извинения, опусти голову и как положено попроси о помощи — я готов выступить миротворцем, и он набросает тебе пару стишков, чтобы ты мог хоть как-то показаться на глаза послам Дун Юй и не проиграть с позором.

— А иначе... ух, когда проиграешь, на тебя ополчится весь Цзинду, тебя будут проклинять все

кому не лень!

— Ха-ха, как представляю эту картину, так меня прямо дрожь пробирает от восторга!

Услышав это, молодые вояки пришли в ярость.

Эти мерзавцы сами спихнули всю грязную работу на них, военных, а теперь еще строят из себя благодетелей и намекают, что неподчинение им — это преступление. Разве такое стерпишь?!

— Проваливайте! Даже если мы проиграем, даже если нас будут проклинять на каждом углу — мы падём стоя!

Чэн Ху заслонил собой Сюй Аня и выпалил:

— К тому же, с чего вы взяли, что Сюй Ань не умеет писать стихи? Мой брат только что сочинил девице Цзян прекрасное стихотворение в честь ее дня рождения!

Пусть сам он в это не верил, но сейчас оставалось лишь уповать на то, что этот наглец не соврал про свои литературные таланты.

Иначе, если сегодня Сюй Аня заставят склонить голову, это будет означать, что и вся их компания преклонила колени перед Чжао Гао, а такое хуже смерти!

Прелестное личико Цзян Юйчжу застыло от ужаса.

Чего она больше всего боялась, то и произошло: она еще ломала голову над тем, как разрядить обстановку, а Чэн Ху взял и перевел стрелки прямо на нее.

Стихи, написанные Сюй Анем? Да что дельного он мог сочинить?!

— О? Маленький герцог Сюй снова разродился шедевром?

Чжао Гао соорудил ехидную гримасу:

— Знаю я, какое у него творение вчера у ворот дворца родилось — кажись, Ода ветке дерева.

— Стихотворение гласило: Ай да матушка ты моя, до чего ж ветка большущая!

— Интересно, какими же стихами он нынче воспел такую красавицу, как девица Цзян?

— Девушка Цзян, не соизволите ли прочесть нам вслух?

Услышав это, Чэн Ху и остальные вояки почувствовали, как у них дергается кожа на лицах!

Вот влипли... Мы и вправду поверили, что этот хмырь умеет слагать стихи, да какая ж это поэзия — это же заколдованный свинарник! Теперь мы точно опозорились на весь белый свет.

Лицо Цзян Юйчжу тоже изменилось в лице: она инстинктивно вцепилась пальцами в бумажку, готовая разорвать ее в клочья.

## Глава 11

Сюй Ань бросил косой взгляд на Чжао Гао и тихо усмехнулся.

Бессовестная тварь, а ведь как пристально следит за мной — даже про нашу вчерашнюю шутку с отцом про веточку пронюхали!

Раз так, то если этот молодой господин не отходит их по полной программе за такую слежку, он просто зря носит звание главного задиры!

— Красавица Цзян, раз люди просят прочитать, так прочти же. Или ты совсем не доверяешь этому господину?

Сюй Ань поиграл веером кончиками пальцев и взглянул на Цзян Юйчжу:

— Сказал, что сошью на заказ — значит, на заказ. Посмотришь, а если не понравится — подарю другой куртизанке.

<http://bllate.org/book/19190/1884725>